

Александр Блок

Пламень



Александр Александрович Блок

Пламень

«Книга, озаглавленная «Пламень», не может быть отнесена ни к какому роду литературных произведений; это – ни «роман», ни «повесть», ни «бытовые очерки», хотя есть признаки и того, и другого, и третьего; книга не только литературно бесформенна, она бесформенна во всех отношениях...»

Содержание

Александр Александрович Блок Пламень По поводу книги Пимена Карпова «Пламень» – из жизни и веры хлеборобов. СПб., 1913.....	0004
#2.....	0011

Александр Александрович Блок

Пламень По поводу книги Пимена Карпова «Пламень» – из жизни и веры хлеборобов. СПБ., 1913.

Книга, озаглавленная «Пламень», не может быть отнесена ни к какому роду литературных произведений; это – ни «роман», ни «повесть», ни «бытовые очерки», хотя есть признаки и того, и другого, и третьего; книга не только литературно бесформенна, она бесформенна во всех отношениях.

И, однако, ее нельзя обойти молчанием. «Пламень» – не «проба пера» «обещающего автора»; он не принадлежит к «исканиям» более или менее «мятежных» молодых людей, не могущих решить определенно, писать им стихи и романы или поступить в департамент; автор «Пламени» – *никто*, книга его – не книга вовсе; писана она чернилами и печатана типографской краской, но в этом есть

условность; кажется, автор прошел много путей для исполнения возложенной на него обязанности, обязанности не личной, а родовой, где-то в глубине веков теряющейся, и теперь выбрал путь «книжный». Если же и этот путь не приведет к цели, он будет искать других путей; если не найдет их он, то найдет их следующий за ним, может быть еще не родившийся, тот, кто будет звеном того же от начала Руси и до конца ее тянущегося рода «хлеборобов». Вот в чем сила «Пламени», и вот отчего молчать о нем не приходится.

Роду хлеборобов, которые исполняют этот завет, не будет конца, пока не разрешится самое сокровенное и самое страшное дело в России.

Поэтому книга Карпова посвящена «пре-светлому духу отца, страстотерпца и мученика, сожженного на костре жизни»; плохая аллегория, суконный язык и... святая правда.

Карпов не видит в русской жизни ничего, кроме рек крови и моря огня: страсть, насилия, убийства, казни, все виды мучительств душевных и телесных – это «фон» повести; на таком фоне борются два начала: начало тьмы,

сам дьявол, помещик, «камергер-детораствитель» Гедеонов, который сам себя называет «железным кольцом государства»; и начало света, хлыст Крутогоров, который сквозь мрак и страдание идет к Светлому Граду. Все остальные лица – мужики, хлысты, «злыдота», колдунья, светлая девушка, монахи, родственники камергера и пр. – такие же «лицетворенные начала»: не лица, а отпрыски двух родов, светлого и проклятого. Карпов не может видеть иначе: кровь и огонь только и стоят у него в глазах.

Книга Карпова взбудоражила критиков, которые писали о ней очень много: А. Столыпин – в «Новом времени», Ясинский – в «Биржевке», Бонч-Бруевич – в «Киевской мысли», Патрашкин – в «Дне», Философов – в «Речи». Вспомнили отвратительный (со всех сторон) процесс Бейлиса и лишний раз сцепились друг с другом по поводу «легенды об употреблении крови», ибо Пимен Карпов «показывает, что в русских монастырях перед Светлым Воскресеньем в подпольях служат кровавые мессы сатане и приобщаются человеческой кровью».

Рядом с верными мыслями журналисты опять и опять проявляют такое ужасное неверие, такое незнание народа, такую брезгливость и такой цинизм, что за интеллигенцию русскую опять становится страшно. Разумеется, рекорд цинизма побивает, как всегда, «Новое время», десятки лет успешно развращавшее русскую молодежь. Г-н Столыпин говорит: «Книга Пимена Карпова потому-то и производит такое удручающее впечатление, что свидетельствует о возможности подобных душевных состояний в среде русского народа, свидетельствует о том, что такие драгоценные народные качества, как несокрушимая вера, как безграничная способность претерпевать муки за ценности высшего порядка, то есть за убеждения и правду, как жажда духовного совершенства и мистической высоты, что такие качества могут вырождаться в мерзость, которой нет ни имени, ни оправдания».

Эти грязные и ханжеские слова неинтеллигентной газеты я привожу не потому, что они сами по себе интересны, а потому, что слишком мало разницы в отношении к П. Карпову проявляет настоящая интеллиген-

ция.

Критики «Пламени» твердят на все лады о том, что это – «бред»; одни – с брезгливостью, другие – с похвалой; слово, во всяком случае, считается найденным. Они правы, если слово «бред» что-нибудь определяет. Ничего нет легче, чем взять на себя «литературную», «медицинскую» или «психологическую» экспертизу в деле Карпова; признать, что это «уголовщина»; но ведь не всякие формы бреда можно раскрыть при помощи уголовного процесса.

Бред Карпова – не тот, который у больных проходит от лечения, у декадентов – от возраста, у пьяниц – оттого, что они кладут зарок; играя словами, можно сказать, что это – «непроходимый бред», неизлечимый. Один из рецензентов полагает даже, что бред автора будет увенчан и над его головой зашумят лавры.

Лавры над этой несчастной головой – какая горькая насмешка!

Критики говорят еще, по поводу Карпова, об Андрее Белом. Один – что Карпов подражает, другой – что язык Карпова гораздо сильнее

языка А. Белого. Подражание А. Белому одинаково считается при этом непозволительным и неприличным.

Верно, что Карпов «подражает» А. Белому; чтобы убедиться в этом, стоит сличить любую страницу «Пламени» с любой страницей «Серебряного голубя». Что же тут неестественного? Именно у А. Белого найдет Карпов ответ на многие свои муки: найдет в той музыке, в том ладе, которыми проникнуты глубоко русские творения А. Белого. Дело, конечно, не в технике, которой владеет А. Белый и до которой нет дела П. Карпову. Есть трогательное в том, что «отверженец» Карпов со своим делом, которое всем не ко двору, ищет поддержки в музыке самого отверженного современного писателя, того писателя, чьих непривычных для слуха речей о России никто еще не слышал как следует, но которые рано или поздно услышаны будут.

Литературные сравнения, наблюдения над стилем или языком, отыскиванье характеров в «Пламени» – задача неблагоприятная. Были у нас книги, подобные «Пламени»; например, «Антихрист» В. Свенцицкого или «Записки

Анны» Н. Санжарь. От них, как от книг, не сохранилось ничего, что можно оформить и поставить на полку; сохранилось только похожее на воспоминание о физической боли, на сильное и мимолетное впечатление, с которым не расстанешься.

Так и из «Пламени» нам придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что о России. Пусть это приложится к «познанию России»: лишний раз испугаемся, вспоминая, что наш бунт, так же, как был, может опять быть «бесмысленным и беспощадным» (Пушкин); что были в России «кровь, топор и красный петух», а теперь стала «книга»; а потом опять будет кровь, топор и красный петух.

Не все можно предугадать и предусмотреть. Кровь и огонь могут заговорить, когда их никто не ждет. Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, более страшной.

